

ОПИСАНИЕ СВОЕГО (РУССКОГО) И ЧУЖЕГО (ОРДЫНСКОГО) ПРОСТРАНСТВА В «ЖИТИЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО»*

Ю. В. Селезнев

Воронежский государственный университет

Смерть в 1276 г. Великого князя Владимирского и удельного князя Костромского Василия Ярославича ознаменовала выдвижение на первые роли в политической жизни Северо-Восточной Руси следующего поколения княжеской династии. Данное поколение росло и воспитывалось уже в условиях иноземного господства. Этот факт, несомненно, наложил отпечаток и на восприятие системы русско-ордынских взаимоотношений.

Наиболее ярким произведением, в котором отразилось восприятие сложившегося положения, является «Житие Михаила Тверского». Князь Михаил Ярославич Тверской, внук Ярослава Всеволодовича, являлся последним из представителей поколения, который занимал великокняжеский престол. В результате борьбы за великое Владимирское княжество тверской князь Михаил в 1318 г. приговаривается ханом Узбеком к смертной казни. Именно суду над Михаилом и его казни в ставке хана в основном посвящено «Житие...».

Памятник, по аргументированному мнению В. А. Кучкина, был создан вскоре после похорон князя Михаила, в конце 1319 – начале 1320 гг. Автор «Жития...» с большой вероятностью можно считать игумена Тверского Отроча монастыря Александра, который сопровождал князя в его последней поездке в Орду [1, 234]. Рассказ очевидца событий подробно описывает не только фактическую сторону казни, но и несет мистическо-религиозную оценку происходящего.

При описании пространства автор «Жития...» разделяет его, в первую очередь, по религиозному признаку. Русь, принявшая православие, рассматривается как страна, наполненная благодатью Всевышнего. В частности в памятнике отмечено: «...Господь же премилостивый Богъ божественным своим промышлениемъ на последний векъ яви благодать свою на русскомъ языке: приведе великого князя Владимера русскаго въ крещение; Вьлодимеръ же, просвещень Святаго Духа благодатию, введе всю землю русскую въ крещение. Отголе

распространися святая вера по всей земли, и бысть веселие и радость велика в новопросвещенных людехъ;» [2, 70].

Однако греховное поведение русских христиан вызывает гнев Божий, апофеозом которого является покорение русских княжеств иноплемениками – татарами: «точию единъ диаволь сетовашеся, побеждаемъ от тех, имиже преже техъ чтим бываше, жертву приемая и вся угодная. Сего не терпя, врагъ душъ наших опрометашеся, льстивый, како бы съвратити с праваго пути ихъ; и вложи в сердце ихъ зависть, ненависть, братоубийство; нача въсхитити и имения сынъ подо отцемъ, брат менший под старейшим братомъ, умножися неправда и злоба многа въ человецехъ, и предашеша въ слабость света сего скороминующаго. Господь же премилостивый Богъ, не терпя видети погибающа от Дявола род нашъ, претяше нам казньми, хотя нас обратити от злобъ нашихъ, посла на ны казнь, овогда глад, овогда смерть въ человецехъ и скотехъ; конечную пагубу преда нас в руце измаилтяномъ» [2, 70].

Логичным последствием явился тот факт, что «Отголе начахомъ дань даяти по татарьскому языку. И егда коему княземъ нашим доставашеся великое княжение, хожаше князи русстии въ Орду къ цареву, носящи множество имения своего» [2, 70].

В результате, когда пришла очередь княжить Михаила, он «...поиде въ Орду къ царю, яко же преже бывши его князи имеаху обычай тамо взимати княжение великое» [2, 72]. Причем, *только хан имеет права суда над русскими князьями, в частности над Михаилом и Юрием. Однако для этого необходимо отправиться в ставку ордынского повелителя («...И рече блаженный князь Михайло: «Поидеде, брате, оба во Орду, жалуемся вместе к царю»»* [2, 76]).

Таким образом, пространственно русская православная земля отделяется от пока еще языческой Орды. Более того, отмечая пребывание в ставке хана князя Юрия Московского, автор «Жития...» объявляет Джучиев Улус территорией дьявола: «И бывшу ему (Юрию – Ю.С.) во Орде, не хотящее

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (грант 07-0156101 а/ц).

добра роду крестьянскому диаволь вложи в сердце князем татарским свадиша братию...» [2, 72].

Однако еще большее пространственное противопоставление Руси и Орды автор обозначает после того, как указывает на приход к власти в Сарае хана Узбека, который принимает ислам как государственную религию Джучиева улуса. Он отмечает: «И виде Бог мерскую веру срацинскую, и оттоле начаша не щадити рода крестьяньска, якоже бо о таковых рекоша царские дети, в **плени в Вавилоне** (курсив мой – Ю.С.) сущии, глаголаху: «Предать ны в руки царю немилостиву, законопреступну, лукавейшу паче всея земля» [2, 72]. Как отметил В. А. Кучкин, «Игумен Александр сравнивал Узбека с жестоким вавилонским царем Навуходоносором II, о котором рассказывала Библия». Приведенная автором цитата восходила к славянским переводам Книги пророка Даниила, основой которых являлись Лукиановский и Исихиевский греческие изводы. При этом «ни в греческих, ни в славянских текстах Книги пророка Даниила нет слова «законопреступну». Становится очевидным, что оно вставлено самим автором Повести о Михаиле для усиления отрицательной характеристики Узбека». Далее В. А. Кучкин подчеркивает, что «...назвать законопреступным ордынского хана, олицетворявшего власть татаро-монгол над Русью, было большой смелостью. Этого не отважился сделать ни один русский писатель времени первых 80 лет татарского ига» [1, 251–252].

Необходимо подчеркнуть, что высказывания автора «Жития...» перекликаются с некоторыми положениями Книги пророка Иеремии. Тесно связаны с мотивом «Вавилонского плена» слова пророка Иеремии, приводимые автором «Жития...» в связи с рассказом об обострении борьбы за великокняжеский престол: «Аще обратитесь ко мне и останетесь от злобь ваших, то вложу любовь князем вашим, аще ли не останетесь злаго обычая вашего, ни покаетесь от многих беззаконий своих, всякою казнию покажню вас» [2, 72] (Иер. 25. 5–29, 35. 15, 17). И одним из наказаний должен явиться именно Вавилонский плен (Иер. 25.9.).

Повествуя о покорении Иерусалима Вавилонским царем Навуходоносором отмечает: «И ныне Я отдаю все земли сии в руку царя Навуходоносора, царя Вавилонского, раба Моего, и даже зверей полевых отдаю ему на служение. И все народы будут служить ему и сыну его и сыну сына его, доколе не придет время и его земле и ему самому; и будут служить ему народы многие и цари вели-

кие» (Иер. 27, 6-7). И далее: «если какой народ и царство не захочет служить ему, Навуходоносору, царю Вавилонскому, и не подклонит выи своей под ярмо царя Вавилонского, — этот народ Я накажу мечом, голодом и моровою язвою, говорит Господь» (Иер. 27, 8).

Таким образом, автор «Жития...» вводит в систему пространственных характеристик мотив «Вавилонского плена». Здесь необходимо подчеркнуть, что владения Вавилонского царя Навуходоносора по отношению к Палестине находятся на востоке. А ордынский хан в русской письменной традиции рассматривался как «царь силенъ в Восточней стороне, иже бе ему Богъ покорилъ языки многы» [3, 366].

За сопоставлением зависимости Руси от Орды с библейским «Вавилонским пленом» должно было последовать и осмысление характера ига: его постоянного или временного характера. В. А. Кучкин отметил, что автор непосредственно за цитатой из Книги пророка Даниила помещает сравнение хана Узбека с императором Титом, захватившем Иерусалим, и Фокой Каппадокийцем завладевшим Константинополем («Егда бо господь Титу Иерусалимъ предасть, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И паки: егда Фоце Царьград преда, Фоцю любя, но Царьград казня за людския прегрешения. Еже и си на нас дея бысть за наша съгрешения» [2, 72]). Приравнивая ордынского хана Узбека к Титу и Фоке «тверской писатель давал понять, что и власть татарского хана Узбека является временной. Ее существование он ставил в прямую зависимость от “наших согрешений”» [1, 254; 4, 54].

Да и сам «Вавилонский плен» носит в библейской традиции временный характер. К примеру, в Книге пророка Исаяи подчеркивается: «Посему так говорит Господь, Господь Саваоф: народ Мой, живущий на Сионе! Не бойся Ассура. Он поразит тебя жезлом и трость свою поднимет на тебя, как Египет. Еще немного, очень немного, и пройдет Мое негодование, и ярость Моя обратиться на истребление их... И будет в тот день: снимется с рамен твоих бремя его, и ярмо его – шеи твоих; и распадется ярмо от тука... И Вавилон, краса царств, гордость Халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра» (Ис. 10. 24, 27. 13. 19). Книга пророка Иеремии подчеркивает: «И ныне Я отдаю все земли сии в руку Навуходоносора, царя Вавилонского, раба моего, и даже зверей полевых отдаю ему на служение. И все народы будут служить ему и сыну его и сыну сына его, доколе не придет время и его земле и ему самому; и будут служить ему

народы многие и цари великие» (Иер. 27. 6-7). «И будет когда исполнится семьдесят лет, накажу царя Вавилонского и тот народ, говорит Господь, за их нечестие, и землю Халдейскую, и сделаю ее вечною пустынею» (Иер. 25, 12).

Несомненно, что на смену идеи смирения перед завоевателями начинает выдвигаться идея активных действий (правда, пока еще иносказательно). Показательны в этом плане отсылки автора «Жития...» к проискам дьявола проявления грехов на Руси и, прежде всего, братоубийственные междоусобные войны [4,51]. При этом ордынские власти перестают выступать как орудие Божиего Промысла и наказания. Отныне они — орудие дьявольского искушения («дьяволъ вложи в сердце князем татарским свадиша братию» [2,72]). По наблюдению И. Н. Данилевского, «Непосредственным поводом для появления нового «персонажа» (дьявола — Ю. С.) автор «Повести», несомненно, видит принятие Узбеком ислама» [5,249].

Таким образом, в «Житии...» присутствует пространственное разделение Руси и Орды, обусловленное религиозной принадлежностью населяющих данные страны народов. Причем, ордынское пространство выступает как подвластная дьяволу территория и, соответственно, явно враждебная

православной земле. Особенно это подчеркивается после введения в Орде ислама как государственной религии.

Необходимо согласиться с мнением В. А. Кучкина, который подчеркивает, что «в тверском памятнике первой четверти XIV в. впервые в русской литературе была выдвинута антиордынская политическая программа, которая оказала заметное влияние на формирование патриотических освободительных идей в сочинениях русских авторов последующего времени» [1,255].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.
2. Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – середина XV века. СПб. 2000.
3. «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000.
4. Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий. М. 1990.
5. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М. 2000.